

Сербы въ Салоникахъ.

Какъ писать объ этихъ храбрыхъ, стойкихъ людяхъ, объ этой небольшой, но такой героической націи, такъ много перестрадавшей, такъ сильно поплатившейся за свою вѣрность данному слову и за вольныя и невольныя ошибки своей и европейской дипломатіи?

Слова любви и уваженія? Но вѣдь ихъ столько уже было произнесено... Да и развѣ можно словами выразить полностью эти два глубочайшихъ чувства?

Слова восторга передъ ихъ удивительнымъ героизмомъ? Безполезно... Ихъ дѣла въ прославленіи не нуждаются. Они—сама слава...

Слова сочувствія и ободренія?.. О, только не это... Помню, я сидѣлъ за столомъ рядомъ съ сербомъ, прикомандированнымъ къ штабу одной изъ нашихъ дивизій. И случайно взглядъ его упалъ на обложку иллюстрированного итальянскаго журнала,—журнала, который всегда былъ безкорыстнымъ другомъ страдающихъ. Я пододвинулъ ему его. Съ какой болью и негодованіемъ заговорилъ сербъ, какимъ возмущеніемъ звучалъ его голосъ!..

— Ихъ сочувствіе, ихъ ободреніе... Имъ легко давать эти сочувствія и ободренія... только уже лучше бы они насъ оставили въ покоѣ...

На обложкѣ маленькой крестьяночкѣ - Сербіи бравый

итальянскій берсальеръ давалъ, напирая на свое могущество, какія-то торжественныя обѣщанія...

Я понимаю всю горечь такого возмущенія. Сочувствія и ободренія со стороны разоренной Бельгіи или сожженной Польши не вызвали бы подобнаго отпора. Въдь только тотъ, кто самъ перестрадалъ, дѣйствительно понимаетъ и дѣйствительно сочувствуетъ чужому горю...

Ихъ было сначала много въ Салоникахъ. Часть арміи,— правда, незначительная, вѣрнѣе—отдѣльные люди изъ разныхъ полковъ,—прошла сюда черезъ Албанію вмѣстѣ съ бѣженцами изъ занятыхъ болгарами провинцій.

Ихъ высокія, стройныя фигуры, ихъ красивыя, открытыя лица выгодно отличались отъ низкорослой, микроцефалической массы мѣстнаго населенія. Ловкіе, изящные офицеры появились повсюду; солдаты мрачные и угрюмые, только-что перенесшіе всю тяжесть неслыханныхъ лишеній, не знающіе, что дѣлать сегодня, что будетъ завтра, влились новымъ своеобразнымъ потокомъ въ военную разноцвѣтную массу Салоникъ. Зазвучала сербская рѣчь, наполнились сербскія столовыя, замелькали мужчины, женщины и дѣти славянскаго типа въ своихъ своеобразныхъ расшитыхъ шерстяныхъ костюмахъ.

Что перенесли всѣ эти люди, чѣмъ и какъ они жили въ первые дни,—никто не вѣдаетъ. Но необходимыя мѣры были приняты быстро. Англійскія миссъ и миссисъ изъ Краснаго Креста разбили большой лагерь громадныхъ шатровъ,—настоящіе полотняные дворцы. Образовался комитетъ, главнымъ образомъ, благодаря стараніямъ жены русскаго консула, доставляющей миссъ и миссисъ деньги на пропитаніе бѣженцевъ.

Я былъ въ этомъ лагерѣ... Дѣтишки весело играли наружи, бѣгали подъ яркимъ солнцемъ; ихъ дѣтскія сердца уже позабыли черные дни. Маленькая, расче-

санная на двѣ косички, кудряво-каштановая головенка, такая милая, такая наивная, мелькала въ серединѣ хорова. Полы шатровъ были широко распахнуты, и ихъ населеніе сбилось у входовъ, разглядывая насъ съ любопытствомъ. На выметенномъ, хорошо утрамбованномъ земляномъ полу стояли чистыя кровати; посрединѣ топилась печь. Мужчины и женщины размѣщены по разнымъ шатрамъ.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ ними, но робость прикоснуться къ чужому горю связывала мнѣ языкъ. Молчанье прервалъ священникъ, сербскій попъ въ скуфейкѣ, въ подрясникѣ, съ быстрыми печальными глазами.

— Вотъ и живемъ, господинъ, что дальше будетъ,— не знаемъ. Говорятъ, повезутъ насъ на Корсику...

— А почему вы, батя, бѣжали?

— А какъ не бѣжать, когда болгары подходили къ нашей деревнѣ,—вступилась попадья, не старая еще, простоволосая женщина,—вступилась и вдругъ заплакала.—Ночью схватились съ кроватей и ушли безъ всего. Вотъ этихъ дѣтей съ собой забрали, а одну дѣвочку забыли. Такъ и не знаемъ,—жива она, гдѣ она; мы здѣсь, а дитя тамъ...

Плачетъ попадья, моргаетъ глазами попъ, смотреть въ сторону молоденькая миссъ. А дѣтишки кричатъ, хочутъ, бѣгаютъ по солнцу.

— Развѣ болгары дѣлали зло населенію?

— Какъ не дѣлать, оттого и бѣжали, что убивали насъ болгары.

— Вы сами, батя, видѣли убитыхъ?

— Я не видѣлъ, но только извѣстно, неподалеку отъ насъ цѣлую деревню вырѣзали...

— Хорошо,—перебиваю я его,—отчего же, если болгары всѣхъ убивали, населеніе не убѣжало все цѣликомъ?

— Болгары,—вмѣшивается въ разговоръ сербскій чи-

новникъ,—причиняли зло сербскому элементу въ ново-завоеванной сербами Македоніи. Зачѣмъ имъ обижать все населеніе, если среди него много ихъ же болгаръ. Ну, а нашимъ попамъ, учительницамъ, чиновникамъ, вообще сербамъ, они много зла дѣлали. Злодѣи...

Я понимаю, въ чемъ дѣло. Болгары главнымъ образомъ ополчились противъ тѣхъ, кто велъ сербскую пропаганду на отнятой у нихъ по бухарестскому трактату территоріи. Вообще же, сколько я ни разспрашивалъ, какъ будто особенныхъ массовыхъ звѣрствъ они на сей разъ не производили. Указываютъ на Митровицу, еще на два, на три мѣста, на случаи отдѣльныхъ безобразій, но системы въ насиліяхъ какъ будто не было. Такое впечатлѣніе я, по крайней мѣрѣ, вынесъ изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ бѣженцами. Всю истину, впрочемъ, можно выяснитъ только при помощи специальныхъ разслѣдованій.

Здѣсь ихъ пріютили и кормятъ. Кормятъ довольно скудно, такъ какъ у комитета денегъ мало. Во Флоринѣ, въ Аѣинахъ, въ Салоникахъ и другихъ мѣстахъ, повсюду—такіе лагеря, поддерживаемые французами и англичанами. «Вѣрная союзница» Сербіи,—Греція,—ничего, кромѣ затрудненій сербскому народу, даже и въ этихъ особенныхъ обстоятельствахъ, не чинитъ...

Мало-по-малу бѣженцевъ какъ изъ Греціи, такъ и изъ Албаніи перевозятъ въ теплую, солнечную Корсику. Къ прекрасному Аяччіо. Тамъ французское правитель-ство даетъ имъ пріютъ, а англійское—беретъ на себя ихъ содержаніе. Будутъ организованы разныя работы. Нѣсколько тысячъ дѣтишекъ отправлены во Францію, во французскія школы. Сосредоточеннымъ въ Албаніи сербамъ, по мѣрѣ силъ, помогаетъ Италія. Во всей Англии и Франціи формируются многочисленные комите-ты по оказанію помощи изгнанникамъ героической ма-ленькой страны.

Солдатъ тоже прибрали къ мѣсту. Я ихъ видѣлъ въ сформированныхъ воинскихъ частяхъ. Что за прекрасное войско! Они строятъ дороги, копаютъ траншеи и хоть сейчасъ готовы въ бой... То же, что осталось въ Албаніи, перевозится на Корфу, во владѣнія Вильгельма, и отдохнувшая, реорганизованная сербская армія еще не одинъ бой дастъ не смогшему ее сломить противнику.

Но все это въ будущемъ... А пока? Пока грустны сербы.

— Нѣтъ Сербіи, потерялъ сына, семья—не знаю, гдѣ осталась,—говоритъ мнѣ знакомый,—потерялъ все. Ничего нѣтъ...

— Какъ ничего, а надежда?

— Надежда,—и онъ слабо улыбнулся,—надежда осталась... Только надежда впереди, а сейчасъ ничего, ничего нѣтъ...

И сжимается сердце, и печально, и грустно, и стыдно становится. Стыдно потому, что всѣ мы не безъ вины въ ихъ горѣ. А тутъ еще выходитъ такъ, что мы, русскіе, меньше всѣхъ помогаемъ имъ теперь, когда бѣда уже разразилась надъ ними...

Генераль Саррай.

Вчера на нашъ участокъ фронта прѣхаль главнокомандующій. Генераль Саррай прѣхаль не одинъ, а съ гостями, да съ какими! Съ греческими генералами, съ самимъ командующимъ салоникискимъ округомъ генераломъ Москополусомъ и съ офицерами греческаго генеральнаго штаба. Нашъ полковникъ ожидалъ ихъ съ другой стороны, и я съ моимъ пріятелемъ Вареномъ, молодымъ лейтенантомъ, были одни у бетонированнаго редута, когда вблизи показалась кавалькада.

— Tiens,—сказаль Варень,—это онъ, не иначе, какъ онъ...

Дѣйствительно, прямо къ намъ, окруженный нѣсколькими всадниками, на покрытой красной попоной лошади ѣхаль генераль Саррай. Мы поспѣшили къ нему навстрѣчу. Главнокомандующій спрыгнулъ съ юношеской легкостью, и осмотръ начался. Всѣ влѣзли въ . . . , прошли его зигзагами внутрь и стали восхищаться. У грековъ глаза разбѣжались. Еще бы: здѣсь же рядомъ остатки примитивныхъ траншей войны 1913 года, а тутъ...

— А это что такое? Для чего здѣсь отверстие? Почему впереди то-то?—сыпалось со всѣхъ сторонъ.

Гости разглядывали мельчайшія детали и, казалось, готовы были все заучить, все измѣрить. И то сказать,

передъ ними впервые открылась самая полная, самая совершенная школа современной войны, ея настоящая лабораторія.

Мы давали подробныя объясненія, водили гостей по всѣмъ закоулкамъ. Генераль Саррай смотрѣлъ на все съ ласковой, довольной улыбкой хозяина прекрасно устроеннаго имѣнія, давашаго главныя линіи плана и хорошо знающаго его цѣну.

На фонѣ окружающихъ офицеровъ выгодно выдѣлялась его высокая, стройная фигура. На почти юношескомъ, прекрасномъ лицѣ, странно гармонировавшемъ съ сѣдыми усами и сѣдой головой, свѣтились глубокіе голубые глаза, все видящіе, все помнящіе и привѣтливые. Но это очаровательное лицо выражало вмѣстѣ съ тѣмъ непреклонную волю и желѣзную рѣшимость. Говорятъ, разгнѣванное оно величественно. Его присутствіе не стѣсняло насъ, простыхъ офицеровъ, но, наоборотъ, вызывало въ насъ большую живость и общительность. Въ главнокомандующемъ чувствовался подлинный демократизмъ генерала самой демократической страны, смѣшанный,—я бы сказалъ,—съ аристократизмомъ натуры. И потому въ его присутствіи было свободно, легко и хорошо.

Прискакалъ предупрежденный нарочнымъ нашъ полковникъ, строгій солдатъ, настоящій военный ученый, командиръ и создатель этого участка и начальникъ бригады, вынесшей на себѣ весь болгарскій натискъ на лѣвый флангъ союзной арміи во время замѣчательнаго отхода сквозь балканскія ущелья. Осмотръ продолжался. Теперь мы направились къ укрѣпленію.

Генераль Саррай!.. Это имя—одно изъ очень громкихъ во Франціи, изъ разряда такихъ именъ, которыя возбуждаютъ тѣ или иныя чувства, но ни въ какомъ случаѣ не оставляютъ равнодушнымъ. Боевое имя... Коротко говоря, часть французовъ въ свое время находи-

ла его черезчуръ республиканскимъ генераломъ... Въ качествѣ такового онъ въ теченіе слишкомъ года защищалъ отъ бѣшеныхъ нѣмецкихъ атакъ Верденъ и, несмотря на ярость стоявшаго передъ нимъ кронпринца, не уступилъ ему ничего изъ занятыхъ позицій. Въ качествѣ такового онъ принялъ командованіе восточной арміей или, какъ говорили злые языки находившихъ его «черезчуръ республиканскимъ», арміей «Большого Востока» ¹⁾. А потомъ,—потомъ все измѣнилось...

— Ен, топ віеих,—неожиданнымъ басомъ бубнилъ мнѣ маленькій, щуплый офицерикъ, украшенный военнымъ крестомъ съ пальмами и нѣсколько разъ раненый,—это—человѣкъ!.. Я вамъ говорю, это—человѣкъ съ кулакомъ. Га - а... Онъ не шутитъ, этотъ генераль.

И помолчавъ добавилъ:

— Раньше я его не очень - то обожалъ. Я, скажемъ откровенно,—не приверженецъ всякихъ лѣвыхъ идей. Считаю, что имъ въ арміи не мѣсто. Ну - съ, когда война вспыхнула, я сію же минуту поступилъ на службу. Не потому, что «республика» и все прочее... «Ен, топ віеих,—сказалъ я себѣ,—нечего тутъ мудрить и размышлять. Тутъ замѣшана честь Франціи, честь всей Европы, честь всей цивилизаціи et me v'là»...

Онъ остановился, передохнулъ и продолжалъ:

— Ну - съ, меня и засунули въ «его» армію. Все это,—офицерикъ указалъ на галуны и крестъ,—я заработалъ тамъ у него, подъ Верденомъ. Но говорилъ я себѣ всякій разъ: «Моп віеих, все это хорошо, но я все-таки не очень-то тебя обожаю». Ну, а теперь, если надо, пусть только онъ скажетъ, я дамъ себя на куски изрѣзать! Да...

— Почему же,—попробовалъ я спросить,—такая перемѣна?

¹⁾ „Grand Orient“—знаменитая масонская ложа.

— Почему?—разсердился мой собесѣдникъ.—Почему? Да потому, *nom de Dieu*, что это—человѣкъ. Человѣкъ съ кулакомъ, говорю я вамъ. Человѣкъ, какого намъ надо.

Вотъ какъ выразался о главнокомандующемъ очевидный роялисть. Но все же, почему такая перемѣна? Почему къ его многочисленнымъ почитателямъ присоединились и тѣ, кто еще недавно, говоря словами офицера, «не очень - то обожалъ его»?

Три факта тому причиной. Первый—знаменитое отступление союзной арміи съ такъ - называемыхъ криволакскихъ, между Черной и Вардаромъ, позицій; второй—укрѣпленіе Салоникъ; третій—его политика въ Греціи.

Вы припоминаете, конечно, что вначалѣ, когда на Сербію уже обрушились австро-германо-болгарскія арміи, наши войска, немногочисленныя и отдѣленныя отъ базы 150-тиверстнымъ разстояніемъ, были скорѣе выраженіемъ воли Франціи, носителями чести союзниковъ, не бросившихъ на произволъ судьбы героическую Сербію, были скорѣе залогомъ грядущей помощи, главнымъ ея отрядомъ, чѣмъ дѣйствительной, самостоятельной силой. Для этого они были слишкомъ немногочисленны. И потому съ проникновеніемъ болгаръ въ бабунское ущелье и съ маршемъ ихъ на Монастырь положеніе нашихъ войскъ у Криволака, отрѣзанныхъ отъ сербской арміи, отступавшей въ Албанію, могло стать совершенно отчаяннымъ. Они вѣдь представляли собой песчинку, затерянную среди океана покрытыхъ снѣгомъ горъ. Они рисковали быть обойденными со всѣхъ сторонъ. И тогда всему дѣлу союзниковъ въ Македоніи наступилъ бы безповоротный конецъ.

Положеніе ухудшалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ виду трудности правильного подвоза у нашихъ позицій въ Сербіи были сосредоточены большіе запа-

сы снаряженія и продовольствія. Тѣмъ не менѣ генераль Саррай рѣшилъ, что ни одинъ клочокъ сѣна, ни одна щепка дровъ не должны достаться непріятелю. И начался безпримѣрный отходъ по узкимъ ущельямъ Вардара, сквозь Демиръ-Капу, знаменитыя «Желѣзные Ворота», по узкой и единственной тропѣ, вьющейся по карнизу надъ клокочущимъ внизу Вардаромъ. Въ бурю, по снѣгу, сквозь туманы, подъ напоромъ превосходящаго числомъ противника медленно съ боями отходили войска на заранѣ назначенныя позиціи. Отходили, не только увозя и унося съ собой все принадлежащее арміи, но и все то, что могло бы въ оставляемой странѣ послужить непріятелю. Отходили, не только разрушая за собой всѣ пути сообщенія, но и нанося многочисленному противнику такія потери, отъ которыхъ онъ еще до сихъ поръ не можетъ оправиться. И, когда этотъ изумительный, во - время предпринятый стратегическій отходъ окончился, Салоники оказались подъ защитой нетронутой арміи, недостаточной для дѣйствій въ горахъ Сербіи, но способной прикрыть приморскую Македонію. «Союзное» дѣло было отнынѣ спасено...

Войска остановились на заранѣ выбранной линіи и сразу же принялись за работу. Со сказочной быстротой вырастали укрѣпленія, и какія укрѣпленія!..

Такимъ образомъ, не только были сохранены головныя войска, но и воздвигнуть мощный плацдармъ, въ который могли быть влиты новыя арміи и изъ котораго въ ближайшемъ будущемъ нанесенъ будетъ смертельный ударъ германскому дѣлу на Балканахъ. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что македонскія укрѣпленія генерала Саррай останутся въ учебникахъ военнаго искусства классическимъ и совершеннымъ образцомъ полевой фортификаціи.

Но болѣе всего, быть можетъ, поразила и привлекла къ главнокомандующему общіе восторги и симпатіи его

политическая линия поведенія по отношенію къ Греціи. Вѣрнѣе,—по отношенію къ двумъ Греціямъ. Ибо есть двѣ Греціи. Народная, симпатизирующая правому дѣлу союзниковъ, считающая себя обязанной помочь Сербіи, и Греція официальная, выразительница ничтожнаго меньшинства, гипнотизированнаго Германіей и,—до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени,—отдававшая свое предпочтеніе нѣмцамъ. Поскольку къ правамъ, нуждамъ и желаніямъ населенія генераломъ Саррай были усвоены самыя крайнія предупредительность, уваженіе и вниманіе, постольку по отношенію къ официальной Греціи онъ проявил непреклонную, желѣзную твердость характера и не позволилъ нѣмцамъ использовать своихъ связей и вліяній во вредъ «союзному», а по существу и *чисто-греческому дѣлу* въ Македоніи. Арестъ вражескихъ консуловъ въ Салоникахъ, сѣявшихъ вражду въ населеніи и открыто установившихъ обширную систему шпіонажа, былъ началомъ новой эры. Этотъ и послѣдующіе акты Саррай ясно и категорично говорили о томъ, что союзники больше не позволятъ водить себя за носъ. Coup de Sarrail,—такъ окрестили арестъ консуловъ,—произвелъ колоссальное впечатлѣніе. Генераль, въ которомъ широко развернулся организаторскій и стратегическій талантъ, зарекомендовалъ себя, кромѣ того, смѣлымъ дипломатомъ, не *боящимся ответственности* за шаги крупнѣйшаго политическаго значенія.

Купленные нѣмцами газеты къ всеобщему хохоту именовали главнокомандующаго «тираномъ Македоніи» и «спрутомъ». Добродушно смѣялся и самъ генераль надъ выходками бессильно злобствующихъ нѣмцевъ, огнемъ и мечомъ прошедшихъ Бельгію и Сербію. Смѣялся,—и никакихъ иныхъ послѣдствій выходящіе въ Салоникахъ, т. е. въ его «деспотіи», листки не имѣли. Характерно, не правда ли?

... Мы приблизились къ укрѣпленію. Въ небольшой расщелинкѣ среди холмовъ бѣлѣли марабу и палатки строящей роты. Ея командирь, молодой подпоручикъ, со смѣлымъ взглядомъ и открытымъ лицомъ, непринужденно повелъ гостей по своимъ владѣніямъ. Ротный лагерь, украшенный со всѣмъ вкусомъ, присущимъ французскому «пуалю», представлялъ не совсѣмъ обычное по своему изяществу и чистотѣ зрѣлище. Два греческихъ офицера остановились передъ склономъ, на которомъ зелеными линиями поросшей травой земли было изображено знамя съ его девизомъ: «Родина и честь», а внизу надпись:

«Умереть или побѣдить!».

— Какъ это типично,—сказалъ одинъ грекъ другому.

Да, типично. Типично для солдатъ, прошедшихъ сквозь бои на Изерѣ, въ Шампани и Сербіи и употребляющихъ рѣдкія минуты отдыха отъ лихорадочной работы на украшеніе такимъ образомъ своего лагеря. Типично и для всей Франціи, вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ повторяющей эту гордую фразу,—Франціи миролюбивой, всегда несшей знамя прогресса и теперь не стремящейся ни къ чему иному.

Я смотрѣлъ на представителя этой Франціи, красиваго и молодого, несмотря на свои 58 лѣтъ, величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ простаго, и не могъ не повторить въ себѣ словъ моего недавняго собесѣдника:

«Eh, mon vieux, ты человѣкъ,—человѣкъ, какого намъ надо!»...

Въ воздухѣ.

Насъ двое ждало очереди. Я и аumonier, — полковой священникъ о трехъ галунахъ. Лицо у «батьюшки» было рѣшительное, смѣлое, глаза сѣрые, пронизательные, голосъ властный, жесты опредѣленные, движенія быстрыя и увѣренныя, — словомъ, имѣлъ онъ видъ чело-вѣка, знающаго, чего хочетъ и куда идетъ.

— Вотъ, рѣшилъ полетать, — сказалъ священникъ. — Все я видѣлъ, а этого не испробовалъ.

— Что же именно «все» вы видѣли, господинъ омонь?

— Ну, видѣлъ возстаніе боксеровъ, видѣлъ циклонъ, видѣлъ исчезновеніе цѣлаго города Сень-Пьера на островѣ Мартиникѣ, видѣлъ изверженіе вулкана, видѣлъ бои на Изерѣ и въ Шампани, а вотъ на аэропланѣ не леталъ. Интересно...

— Интересно, — согласился и я, натаскивая на себя «по-де-бикъ», или, попросту, французскій полушубокъ шерстью наружу.

Тѣмъ временемъ мой пилотъ, сержантъ Куртадь, влѣзъ въ мѣховую «комбинезонъ».

— Готово! — сказалъ онъ, и мы съ осторожностью поднялись межъ проволокъ къ нашимъ мѣстамъ.

Впереди завели моторъ, какъ заводятъ автомобили, Куртадь какъ-то потянулъ двѣ деревянныхъ дужки, напоминающія собой ручки у резиновой системы упраж-

ненія силы, и мы быстро понеслись по полю. Совсѣмъ какъ въ автомобилѣ, послѣдовательными толчками. И вдругъ ощущение полной устойчивости! Это мы оторвались отъ земли и шли полнымъ ходомъ къ небу.

Да, къ небу... Салоники быстро уходили внизъ, открывали передъ нами свою внутренность, вытянулись четкими линиями улицъ, площадей, усѣянныхъ круглыми мечетями и острыми минаретами, съ которыхъ больше не кричатъ въ заповѣдные часы муэдзины,—не кричатъ, потому что въ Салоникахъ хозяева—греки...

Каждый домъ, каждая улочка какъ на ладони... Бѣгутъ внизу смѣшныя маленькіе автомобили, трамваи, фаэтоны, суетится людская толпа, смотритъ вверхъ, показываетъ на насъ руками. Мы рѣжемъ воздухъ и широкими кругами идемъ все выше и выше. Портъ, такой большой внизу, отсюда виденъ во всемъ своемъ ничтожествѣ, присущемъ созданію рукъ человѣческихъ. Двѣ небольшія параллельныя плотины, одна поперечная, вотъ и все посреди необъятнаго сине-зеленаго воднаго простора... Броненосцы, корабли, миноноски испестрили заливъ во всѣхъ направленіяхъ. Весело попыхивая, одинъ изъ нихъ бѣжитъ къ югу, и широкой жемчужный треугольникъ тянется за нимъ по спокойной глади, ширится, таетъ въ основаніи и быстро растетъ къ вершинѣ.

Все выше и выше... Прорѣзали попутное облако, пронеслись еще разъ надъ сузившимися, приплюснутыми Салониками, кладбищами съ зелеными кипарисами, и подъ нами внизу побѣжали, понеслись лагеря, овраги, пашни, равнины, деревни. Совсѣмъ какъ на картѣ... То, что было подъ нами, есть точное подобіе карты, т.-е., наоборотъ, карта—точный снимокъ съ мѣстности, которую съ аэроплана видятъ *въ совершенно такомъ видѣ*, какъ она изображена на картѣ. Это поразительно, и самый простой способъ научиться читать карту, чему посвящается въ училищахъ столько

времени, состоитъ въ полетѣ на аэропланѣ. Вотъ узкая голубая полоска, — небольшой ручеекъ, коричневый прямоугольникъ — вспаханное поле, вьющаяся черта — проселочная дорога, рядъ небольшихъ прямоугольниковъ, — деревня и т. д., и т. д., только горь не видно такъ, какъ онѣ обозначаются на картѣ. За десять, за пятнадцать верстъ замѣтенъ каждый изгибъ рѣки, каждый поворотъ, каждый перекрестокъ дорогъ, каждый домъ... Какъ тутъ сбиться въ воздушномъ пути. Развѣ только въ облакахъ, но стоить нырнуть въ первую дыру, чтобы снова осмотрѣться и узнать мѣстность...

Горы уменьшались съ поразительной быстротой, дѣлались плоскими, смѣшивались съ равнинами, и только ущелья вьющимися, широкими канавами обозначали ихъ пробѣгъ. Вдали серебромъ заблестѣлъ Вардаръ, подъ нами зачертили свои ломанные зигзаги узкія траншеи, оборонительный человѣческой муравейникъ. И все, все до послѣдняго камешка видно до самаго горизонта: тутъ ничего не скроешь, ничего не спрячешь...

И какъ раньше полководецъ передъ боемъ выѣзжалъ на вершину возвышенности, чтобы съ нея окинуть взоромъ поле своихъ дѣйствій, такъ теперь для него необходимо подняться на авіонѣ и съ воздушной высоты, съ птичьяго волшебнаго полета, охватить разомъ всю грандіозную картину мѣстности и запечатлѣть ее въ своей памяти.

Громадные успѣхи сдѣлала за короткій срокъ военная авіація. Безъ нея невозможно представить себѣ войны, безъ нея армія, — какъ безъ глазъ и ушей.

Возьмемъ хотя бы нашъ нынѣшній театръ борьбы, — македонскій. Фронтъ нашихъ траншей находится верстахъ въ . . . отъ передовыхъ непріятельскихъ линій. Между «нами» и «ими» — наша кавалерія, находящаяся въ постоянной связи съ крайними элементами противника. Но что дѣлается тамъ, за горами, за передовыми

заставами, кавалерія знать не можетъ. Военный шпіонажъ при всей своей сложности медленъ въ передачѣ добытыхъ свѣдѣній. Но главнокомандующему стоитъ только снять телефонную трубку, сказать слово въ нее, и черезъ нѣсколько минутъ изъ одной изъ многочисленныхъ «эскадрилей», разбросанныхъ поблизости къ фронту, вылетитъ красивая, большая птица, понесется со скоростью ста—ста двадцати верстъ въ часъ въ какое угодно подозрительное мѣсто, и черезъ полтора—два часа главнокомандующій не только будетъ имѣть нужныя ему свѣдѣнія, но и фотографическіе снимки мѣстности, расположенія траншей и войскъ...

Аэроплану не страшны горы, пропасти, болота, рѣки, укрѣпленные пункты, останавливающіе всякую другую развѣдку. Единственно, кто можетъ ему помѣшать, это—аэропланъ же противника и климатическія условія...

Во время *дневного* боя большинство рѣшеній главнокомандующаго покоится на результатахъ воздушной развѣдки (конечно, въ области рѣшеній, зависящихъ вообще отъ развѣдки): тамъ происходитъ концентрація войскъ, туда подходятъ резервы, здѣсь—только простая завѣса, направо—эвакуація заднихъ линій, налѣво—кавалерійская засада: все это авіонъ приноситъ съ изумительной быстротой, и все это даетъ возможность командующему принять свои рѣшенія.

Воздушная бомбардировка, вначалѣ игравшая совершенно второстепенную роль, приобрѣла съ успѣхами техники большое значеніе. «Бомбардье» прекрасно видитъ сквозь устроенное въ днѣ гондолы окно каждый домъ, каждую траншею, все, что разстилается подъ нимъ внизу. Передъ нимъ—таблицы, въ которыхъ тщательно вычислены всѣ кривыя паденія въ сообразности съ высотой подъема, скоростью полета и силою вѣтра,—

свѣдѣнія, которыми онъ всегда располагаетъ. Бомбы привѣшены на особыхъ приспособленіяхъ, и «бомбардье» оставляетъ ихъ падать въ благоприятный по его соображеніямъ моментъ. Обыкновенно ошибка не превосходитъ 50 метровъ, и можно себѣ представить мѣткость подобной бомбардировки при значительномъ числѣ аэроплановъ и небольшой высотѣ. На путь воздушной массовой атаки за послѣднее время и становятся наши эскадрилы, и къ концу войны мы увидимъ, безъ всякаго сомнѣнія, «рейды» цѣлыхъ сотенъ аэроплановъ. Рейды противъ укрѣпленныхъ пунктовъ, резервовъ, лагерей, маневрирующихъ войскъ, штабовъ, царковъ, поѣздовъ, мостовъ и т. д.

Уже теперь эти воздушные набѣги приносятъ громадный вредъ, нервнируютъ войска, поражаютъ своей неожиданностью. Не успѣлъ цеппелинъ бросить бомбы на Салоники, какъ раннимъ утромъ генераль Саррай позвалъ къ себѣ молодого капитана, командующаго всей авіаціей въ Македоніи. Выборъ былъ сдѣланъ быстро. И къ полудню нѣсколько «эскадрилей» окутали огнемъ и дымомъ болгарскій лагерь и казармы у города Петрича, расположеннаго въ Болгаріи, у Струмицы, въ ста верстахъ отъ Салоникъ... Все было уничтожено, сожжено, разбито.

Появляется неприятельскій авіонъ, — навстрѣчу ему вылетаетъ особый типъ аэроплана, дѣлающаго около 130 километровъ въ часъ и носящаго названіе «*appareil de chasse*». Артиллерійскій огонь дирижируется наблюдателемъ - авіаторомъ, связаннымъ беспроводнымъ телеграфомъ съ командующимъ батареей. Онъ слѣдитъ за дѣйствіемъ огня съ высоты и, ориентируясь по разграфленной на квадраты картѣ, даетъ свои лаконичныя указанія командиру. Тотъ, въ свою очередь, по телефону передаетъ ихъ командующему огнемъ орудія, наводчикъ переводитъ на данный уголъ прицѣлъ, и сна-

рядъ летитъ изъ-за горы въ видимаго только летчику врага.

Нужно снять планъ мѣстности, — опять-таки аэропланъ приходитъ на помощь и фотографически воспроизводитъ, — конечно, безъ указанія высотъ, — планиметрическое изображеніе участка. Работа мгновенна и точна... И на долю именно авіаціи выпало созданіе карты македонскаго театра войны.

Сообразно съ этими задачами подѣлена на отряды вся воздушная армія. Она состоитъ изъ развѣдочныхъ, бомбардировочныхъ, охотничьихъ и регулирующихъ артиллерійскій огонь «эскадрилей» (эскадръ). Кромѣ того, имѣется особая фотографическая секція и эскадриль гидравіоновъ. Каждому роду занятій соотвѣтствуетъ особый видъ аэроплана. Для бомбардировки нуженъ мощный аппаратъ, несущій большой грузъ бомбъ; для преслѣдованія и атаки противника необходимы громадная быстрота и поворотливость въ движеніи и т. д., и т. д.

Принципъ, положенный въ основу «эскадрильи», — самостоятельность и подвижность. Нѣсколько аэроплановъ, образуютъ единицу. «Эскадриль» имѣетъ свой собственный обозъ, свои автомобили, свой складной полотняный ангаръ Сигналь по телефону или беспроволочному телеграфу, — и вся эскадра черезъ два часа несется на новое мѣсто. Складной ангаръ — настоящее чудо искусства. Построенъ по очень сложному и хитрому математическому расчету сопротивляемости вѣтру, и практически еще ни разу ни одинъ ангаръ не былъ сорванъ. Командуется такая «эскадриль» молодымъ капитаномъ или лейтенантомъ, образуетъ свою особенную, очень дружную и замкнутую, семью, со своими особыми занятіями, переживаніями и опасностями.

Ремесло авіаторовъ въ Македоніи вдвойнѣ опасно, потому что здѣсь не прощается никакая ошибка, никакая

порча аппарата. Остановка или порча мотора влечетъ за собою спускъ, а спускъ на горы и ихъ скаты—вѣрная смерть. Районъ же дѣйствія нашихъ авіаторовъ весь гористъ. При пролетѣ надъ вершинами они подвергаются обстрѣлу съ незначительнаго разстоянія. Перелетъ надъ узкими обрывистыми ущельями опасенъ изъ-за сильныхъ воздушныхъ теченій. Но работа, выполненная ими, громадна.

... Солнце заходило и розовымъ свѣтомъ освѣщало городъ, море и далекія горы. Мы спускались, кружа надъ заливомъ. Ощущеніе полной безопасности, смѣшанное съ безотчетнымъ восторгомъ моральнаго и физическаго наслажденія, охватывало все существо. Хотѣлось летѣть и летѣть вдаль и въ высь безъ конца, и было жаль спускаться назадъ на землю. Новое, никогда не испытанное, особенное чувство завладѣло душой. Какъ-то по-иному предстала жизнь, новое открылось глазамъ... Теперь нашъ ястребъ кружился надъ авіаціоннымъ полемъ; дома стали больше, выросли розовато-фіолетовыя ближнія горы, замахалъ рукой «омонье», и черезъ мгновеніе послѣдовательными толчками мы катились къ зеленому ангару по сѣрой, обычной землѣ... Стояли у аэроплановъ англійскія миссъ и англійскіе офицеры, слушая внимательно объясненія авіатора. Я съ огорченіемъ снималъ «по-де-бикъ», взволнованный и радостный чему-то новому, что вошло сего дня въ мою жизнь.

Улыбающійся подошелъ священникъ о трехъ галунахъ, въ чинѣ капитана.

— Ну, какъ, *monsieur l'aumonier*?

— Прекрасно, незабываемо, только что же это,—въ его голосѣ прозвучали какія-то нотки разочарованія,—вѣдь это совсѣмъ, совсѣмъ не опасно. Чувство совершенной устойчивости, какъ у себя за письменнымъ столомъ. А я думалъ...

— Что вы думали? Что это подобно циклону или изверженію вулкана?

— Не совсѣмъ, но въ нѣкоторомъ родѣ...

Мы стояли другъ противъ друга, оба переживавшіе по-своему первый полетъ, но оба отравленные однимъ общимъ желаніемъ: снова летѣть, снова подняться надъ обычной жизнью и по-новому съ высоты взглянуть на нее.

Страна печали и смерти.

I.

Все спалено, все разрушено, все разогнано. Только бѣлыя церковки пощажены, да угрюмыя мельницы по ручьямъ, да пастушьи тростниковые загоны видиѣются на скатахъ холмовъ. Здѣсь огнемъ прошла Греція. Я не знаю, какъ и что дѣлали въ другихъ частяхъ Македоніи ея разноплеменные завоеватели: турки, болгары, сербы,—врядъ ли что-либо доброе,—но здѣсь, въ Килькишской провинціи,—работа греческая. Ыдешь-ыдешь,—ни души, кромѣ пастуховъ со стадами овецъ. Зачернѣется деревня,—горе, не деревня,—самыя развалины. Разворочены бѣдныя сакли, однѣ стѣны обгорѣлыя торчатъ, да и тѣ травой поросли. И ничего, и никого. Развѣ выскочить, какъ шальной, изъ-подъ камней заяцъ, снимется стая куропатокъ, и все снова тихо-тихо подъ синимъ чистымъ небомъ, подъ жаркимъ декабрьскимъ солнцемъ. А ручьи—такіе прозрачныя, что кони оторваться не могутъ отъ воды. Пьютъ жадно изъ каждой рѣчонки. Раскинулась вокругъ пахотная земля, только пашень нѣтъ,—пахарь или убитъ, или прогнанъ. Македонія должна была быть раньше житницей Балканъ. Стоить только посмотрѣть на многочисленныя мельницы «водяницы», на ея богатыя церковки.

Войдешь въ церковку и стоишь, какъ зачарованный.

Ужъ не во снѣ ли это приснилось, не изъ далекаго ли дѣтства смутныя воспоминанія, неясныя предчувствія? Расписана церковка какъ поле по веснѣ цвѣтами. Сплошной иконостасъ весь въ иконахъ наивныхъ, и строгихъ, и яркихъ, и безотчетно милыхъ. Смотришь—не насмотришься. Видно, крѣпко любили свою вѣру люди, ежели домъ Бога своего могли такъ убрать, такъ украсить.

Потолокъ—въ цвѣтахъ, амвонъ—въ цвѣтахъ: по желтому алые, черные цвѣтики, царскія врата горять золотомъ, и сотни иконъ глядятъ на васъ ласковыми очами. Вьются цвѣты по колонкамъ, у ногъ Божіей Матери, въ запрестольной нишѣ. А деревенька—то во кругъ, хорошо, въ тридцать—сорокъ домовъ была. Нѣтъ, крѣпко надо было любить свою вѣру, чтобы подъ туркомъ такіе храмы создавать.

Такъ-то было подъ туркомъ, а нынче здѣсь освободитель пришелъ. Освободитель выгналъ жителей, деревеньку спалилъ, церковка рушится; даже аистъ съ колокольни куда-то улетѣлъ. Осиротѣла колоколенка безъ аиста. А все же церковка не осталась безъ дѣла. Къ Божіей Матери воскомъ монетки прилѣплены, въ лампадѣ масло налито. Подошелъ пастухъ изъ сосѣдняго загона:

— Нѣтъ,—говорить,—попа, убѣждалъ попъ съ народомъ въ Болгарію въ тринадцатомъ году, а храмъ—все храмъ. Мы сюда приходимъ, масло палимъ, молитвы творимъ.

— Да вы кто такіе?

— Мы—македонцы, греки—македонцы, а земля вся—турецкая.

— Какъ такъ турецкая?

— Турецкаго бей; уѣхалъ бей послѣ войны въ Стамбулъ, только платить все жъ надо за траву,—дорого бей беретъ.

— А какъ деревня стояла, чья земля была?

— Да все жъ его, турецкаго бея.

— Ну, хорошо, а скажи, братъ, кто село пожегъ?

— Грекъ спалилъ, не добро дѣло: село спалилъ, людей выгнать, не добро.

— Слушай, братъ,—внезапно обрываетъ онъ рѣчь.— Молимъ: убери своего коня съ травы. Трава овцамъ нужна.

Эхъ, пожалѣлъ пастухъ щепоть травы. Отодвинулся конь, вздохнулъ,—ничего не подѣлаешь, терпѣть надо. А трава вкусная, и цвѣты уже побѣжали по ней.

Пошелъ вокругъ церковки. Мраморные небольшіе крестики отмѣчаютъ могилы.

«Тукъ почива Михаилъ Танчовъ»; всѣ крестики начинаются со словъ «тукъ почива», и сколько ни обошелъ я сельскихъ кладбищъ въ Македоніи межъ Вардаромъ и Галико, всюду видѣлъ эту начальную фразу. Болгарское было раньше здѣсь населеніе. По-болгарски говорило, молилось, и послѣ смерти болгарскимъ оставалось.

Было, а теперь нѣтъ.

Стоитъ въ развалинахъ большой городъ Кукушъ. На вершинѣ намъ нимъ бѣлѣтъ монастырь святого Георгія, патрона Македоніи. Драгоценность несказанная этотъ монастырь,—чудо македонскаго искусства. Въ день праздника сходились въ него молиться со всей округи и болгары, и греки, и даже турки. Такъ - то было раньше подъ туркомъ, а теперь нѣтъ. Потому, что православный монастырь принадлежитъ отцамъ - лазаристамъ, католикамъ. Только прежде это никого не смущало,—нынче инья дѣла пошли.

Былъ Кукушъ богатъ и многолюденъ. Восемь тысячъ болгаръ, двѣ тысячи турокъ. Пришли болгары, завоевали его у турокъ. Какъ подходили они къ городу,—турки снялись и побѣжали въ Турцію. Но болгары дома ихъ пощадили. Восемь мѣсяцевъ занимали

они Кукушъ, а потомъ началась братоубійственная война. Послѣ боя у Кукуша, все населеніе ушло съ болгарской арміей въ Болгарію, а новые завоеватели, греки, въ теченіе нѣсколькихъ дней жгли это «гнѣздо комитаджи» (четниковъ). Мало домовъ уцѣлѣло отъ разгрома, мечеть да турецкія пустыя казармы,—лиловыя, синія, желтыя.

Выкурили греки жителей, но духа болгарскаго не выкурили. Сегодня—ярмарка въ Кукушѣ; вѣрниѣ—базарный день. Куда ни обернись,—всюду болгарская рѣчь и лица славянскія.

— Всталъ братъ на брата,—сокрушенно говоритъ мнѣ житель,—болгаринъ—на серба и черногорца, а турокъ, грекъ и румынъ выгадываютъ. Народу-то, народу-то славянскому объединяться надо было бы, а не въ руку нѣмцу играть. Только народъ не воленъ. А чего не подѣлили сербы и болгары? Ничего. Все ихъ правительство виновато. Оттого и война освободительная въ разбойничью обратилась. При туркѣ и то лучше было.

— Болгарія добра, Кобургъ не добрѣ, Фердинандъ-нѣмецъ не добро,—говоритъ болгарскій дезертиръ, грекъ по происхожденію.

— Болгарскій народъ добро, болгарскій народъ за Рассейской плачетъ, братушка,—разсказываетъ онъ мнѣ.—Только Фердинандъ не добро.

Бѣжалъ онъ изъ Фердинандовой арміи, боясь, что ее двинутъ противъ грековъ. И много грековъ, подданныхъ Кобурга, ежедневно бѣжитъ на наши аванпосты.

— А что, братушка,—спрашиваетъ онъ,—будетъ ли высадка въ Варнѣ? А то, можетъ, Рассея черезъ Румынію пойдетъ? Какъ русскій солдатъ на границѣ покажется, начнутъ болгаре сдаваться. Весь народъ въ Болгаріи Рассею ждетъ.

Вѣчный вздохъ Балканъ: почему Россія не идетъ?

... Выгнали коренныхъ жителей съ насиженныхъ мѣстъ, стали населять новоселами. Самый Кукушь переименовали въ Килькишь,—только имя это не пришло. Не пристали къ мѣсту и новоселы. Собрались они со всѣхъ концовъ. Бѣженцы греческіе изъ турецкой Фракіи, со Струмицы болгарской, изъ сербской Македоніи. Наскоро перекрыли развалины и живутъ бѣдные - пребѣдные, клянуть свою долю, и во снѣ и наяву видятъ возвратъ на родныя мѣста. Словно кадрили трагическая... Одни бѣжали въ Кукушь, а бѣженцы изъ Кукуша, можетъ быть, ихъ мѣста заняли и тоже мечтаютъ о возвратѣ на пепелища. Перемѣшалось все населеніе... Раньше турокъ не любили гуртомъ, а теперь всѣ другъ друга ненавидятъ, ибо другъ друга пожгли, въ родныхъ гнѣздахъ другъ друга заселились. И, кажется, съ этой ненавистью сгорѣла безъ остатка красивая мечта независимой Македоніи, что шла къ западу отъ Салоникъ далеко за Вардаромъ и захватывала все вплоть до старой Болгаріи.

— Съѣли Македонію четыре короля,—говорить грекъ-македонецъ,—эхъ, бѣда неизбывная. Не видно конца этой бѣдѣ. А тутъ ли не быть счастью? Климатъ теплый, земля богатая, море близко, всѣ пути не заказаны. Только режима устойчиваго не было. Жаль турецкій чиновникъ, грабилъ турецкій бей. Думали освободиться,—анъ вышло хуже. Разодрались короли между собою, а народъ ни при чемъ. Все же горе народу досталось. Однако настанетъ красный день и для насъ. Не все кривда вверху будетъ.

Ждетъ македонецъ, когда правда кривду побьетъ, однако, я думаю, не скоро его мечты сбудутся. Надолго Македонія страной печали и смерти останется.

По всѣмъ селамъ и деревнямъ, гдѣ сохранилась жизнь,—та же картина. Бѣженцы, бѣженцы и бѣженцы. Самые счастливые изъ нихъ, это—цыгане, кото-

рые раньше жили наѣздами, а нынче на осѣдлую жизнь въ развалинахъ перешли. Населится разбитое село бѣглецами, и работаютъ они всѣ или на грека, что въ Солуни или въ Аѣинахъ сидить, или на турецкаго бея въ Стамбулѣ.

Пошелъ я по кукушскому базару, какъ вдругъ метнулись мнѣ въ глаза... хурджины!.. Себѣ не вѣрю: смотрю, приглядываюсь, — стоитъ добрый человѣкъ, платье на немъ европейское, шляпа широкая, а на плечахъ хурджины... По-русски—сумы переметныя, а по-грузински—хурджины.

Обрадовался хурджинамъ, тронулъ добраго человѣка за плечо, сказалъ ему по-грузински:

— Камарджоба кацо!

— Карти марджось, — отвѣчаетъ мнѣ человѣкъ и ажъ въ лицѣ измѣнился отъ неожиданности.

А потомъ заговорили по-русски. Оказывается, цѣлый кварталъ греческій, русскихъ грековъ съ Кавказа, имѣется въ Кукушѣ. Побѣждалъ къ землякамъ. Бѣдныя сакли, кругомъ стройка идетъ, на солнцѣ тряпье сушится. Женщины въ кавказскихъ платьяхъ стоятъ. Позвали мнѣ двухъ парней. Совсѣмъ кавказскіе хлопцы, — загорѣлые, смуглый румянецъ на щекахъ, глаза блестятъ, улыбка привѣтливая.

Какъ попали, спрашиваю, какъ живете? Мотають головами, спѣшаютъ рассказать, перебивають другъ друга.

— Греческіе агенты, — говорятъ, — заманили насъ сюда. Всякихъ чудесъ понаобѣщали. Земли сколько хочешь, удобства всякія. Снялись мы съ Кавказа, изъ-подъ Карса, изъ-подъ Тифлиса, около тысячи домовъ, тронулись въ путь...

— Какъ такъ, ничего не разузнавъ напередъ?

— Нѣтъ, мы сначала послали ходоковъ. Ходоки пріѣхали въ Солунь, посмотрѣли, вернулись обратно. Нѣтъ, — говорятъ, — такого города въ свѣтѣ, какъ Сало-

ники, нѣтъ краше страны. Приѣхали мы въ Солунь, двинулись вглубь и сразу поняли, что горя здѣсь не расхлебать. Домовъ пятьсотъ сейчасъ же назадъ ушло, на Кавказъ...

— Ну, а вы, оставшіеся?

— А мы пришли сюда, въ Кукушь, и въ деревни сосѣднія. Земли сколько хочешь,—бери всю, хоть вплоть до горъ, только обрабатывать ее нечѣмъ. Вотъ видите, строимъ дома изъ глины, лѣса нѣтъ, бѣдно вокругъ, и никто никакой помощи не окажетъ. Тутъ, чтобы работать, надо нашихъ быковъ. Только у насъ ихъ купишь за пятьдесятъ рублей, а здѣсь надо триста—четыреста заплатить.

Помолчали съ минуту и снова затарахтели вперебой:

— Много нашихъ померло отъ лихорадокъ. Народъ вокругъ нехо-о-орошій. Всякъ волкомъ смотритъ. У, всѣ-всѣ злые... Сбѣжались отовсюду и всѣхъ ненавидятъ.

Снова помолчали, а потомъ младшій, понизивъ голосъ, спросилъ:

— А, какъ думаете, господинъ офицеръ, придетъ сюда русская армія?

— А что?

— Да ее весь народъ ждетъ. Я бы сейчасъ въ солдаты поступилъ, всѣ наши снова на Кавказъ ушли бы. Мало-мало кто остался бы. И то ждемъ, когда дороги откроются, чтобы назадъ вернуться. Мѣста-то вѣдь наши тамъ не заняты, намъ родственники пишутъ...

— Хорошо въ Россіи,—подхватилъ другой,—охъ, хорошо какъ! Народъ хорошій, а здѣсь—одно слово бѣженцы. Болгары всѣ,—неожиданно заключилъ онъ.

— Ну, что вы говорите, болгары вѣдь ушли, это—бѣженцы-греки.

— Бѣженцы-греки? А почему они по-болгарски го-

ворять? Почему они никого не любят? Плохо, плохо здѣсь русскому человѣку.

Вотъ ужъ подлинно, что имѣешь,—не жалѣешь, поте-ряешь,—плачешь.

Попрощался я съ земляками, съ землячками и пошелъ прочь. Солнце горитъ на вершинѣ креста св. Георгія, стелется разоренная македонская земля отъ Солуни и Богъ его знаетъ докуда. Нѣтъ конца-краю ея безысходной печали, ея безысходному горю. Плачутъ по ней, какъ по доброй матери ея разогнанныя разноязычныя дѣти, клянутъ ее, какъ злую мачеху, разноязычные, подневольные пріемыши, и зрѣетъ вокругъ новая буря, новый смертоносный ураганъ...

II.

Нынче день выдался на-славу. Солнце. Тихо. Не шелохнеть. Въ окопахъ, словно муравьи, работаютъ «питу»,—*les petits pitous*,—какъ ласково зовутъ пѣхотныхъ солдатиковъ.

Видъ рѣдкостный. Впереди, на зеленой лужайкѣ, раскинулась деревушка. Такія ужъ краски въ Македоніи: вотъ—земля, сѣрая, обыкновенная земля. А отошелъ на два километра—и видишь ее не сѣрой, а фіолетовой, дальше—синеватой, а еще подалѣ смѣшались краски въ какой-то новый цвѣтъ. То же съ потокомъ: то онъ блеститъ серебромъ, то онъ красновато-сѣрый, а то въ сумерки блѣдно-синій. Подошелъ вплотную,—мутная, простая рѣка. Сегодня онъ кирпичный. За нимъ, на правомъ берегу, словно на дыбы встала короткая, темно-синяя, какъ морская застывшая волна, горная цѣпь. Позади деревушки—старинный курганъ, а за нимъ въ прозрачно-фіолетовой дали—голубыя, небеснаго цвѣта горы. И если бы не эти ослѣпительно-бѣлыя, серебряно-сѣдые вершины,—ни за что не догадаться объ ихъ

существованіи, такъ онѣ сливаются съ голубизной горизонта.

И за вытянувшимися недвижно-сонными озерами угадываешь, различаешь и Гиссаръ-Тепе, и гору Дубъ, и маленькія деревушки, гдѣ въ туманѣ неожиданными ущельями шли на позиціи наши войска. Странно здѣсь сошлось прошлое съ настоящимъ. Чудесный римскій фонтанъ наверху, а у желѣзной дороги подковообразный турецкій. Въ ходѣ сообщенія бетонированнаго редута открыли римскія вазы. Подъ помѣщеніемъ полковника оказался цѣлый лабиринтъ древнихъ галлерей. Обшили ихъ досками, и второй подземный этажъ готовъ. Отъ римскаго фонтана воду отвели въ бетонныя цистерны. Рядомъ съ дорогой, строенной галльскими легіонами, прокладывается «дековилька», а стройщиковъ,—французскихъ «питу», одѣтыхъ въ голубую одежду,—населеніе зоветъ галлами. И тутъ же посреди нашихъ траншей—жалкіе остатки примитивныхъ окоповъ греко-болгарской войны. На захваченномъ редутѣ сельскомъ кладбищѣ смѣшались послѣдовательныя волны человѣческихъ потоковъ. Болгарскія могилы смѣнились турецкими, турецкія—греческими, и рядомъ съ утопанными холмиками почившихъ въ 13-мъ году пріютился свѣжій бугорокъ надъ прахомъ убитаго бомбой съ германскаго аэроплана греческаго солдата...

Копшатася подъ землей, врѣзываются въ нее солдатики... Въ сторонѣ полковая музыка разучиваетъ вальсъ. Старинный испанскій вальсъ. Слышанный давно-давно, въ дѣтствѣ. Музыканты—въ синихъ беретяхъ съ блестящими черезъ плечо ладунками для нотъ. Странно звучитъ здѣсь, на берегахъ рѣки, тягучій и знойный испанскій вальсъ. Отбиваютъ тактъ кастаньеты, заливается корнетъ, и вдругъ вальсъ обрывается.

— Си-бемоль, скотина!—кричитъ «шефъ».

— I-ai-a,—протяжно оретъ запутавшійся въ проволоч-

ной сѣти осель, и музыканты хохочуть неожиданному отклику.

— Вотъ тебѣ и си-бемоль...

Снова звучить вальсъ, по-прежнему лязгаютъ о камни кирки работающихъ въ окопахъ «пуалю»; остановился впереди, смотреть, не можетъ глазъ отвести,—заслушался,—пахарь-македонецъ. Соха у него точь-въ-точь та, что лѣтъ двадцать тому назадъ царила безраздѣльно на русскихъ поляхъ. Провель борозду и слушаетъ, а галки жадной нитью вытянулись по свѣже-вспаханному полю и клюютъ всякую земляную тварь, вывороченную на свѣтъ Божій. Клюютъ, прожорливо глотаютъ и что-то быстро-быстро, словно торговки на базарѣ, говорятъ.

— Та-та-та-та,—затрещала знакомая пѣсня.

Всѣ смотреть въ небо, гдѣ двѣ блестящихъ воздушныхъ птицы вступили въ пулеметный бой. Только пара друзей,—бѣлая и пѣгая лошади,—продолжаютъ усердно вылизывать другъ другу шею. Черезъ минуту «альбатросъ» повернулъ назадъ и понесся къ голубымъ съ сѣдыми вершинами горамъ. Скатертью дорога, негодникъ!

Музыканты вновь принимаются за свой вальсъ, медленно ведетъ борозду македонецъ, стучать заступы, и гдѣ-то вправо гремятъ пушки,—видно, по другому «альбатросу».

И мирно, и тихо, несмотря на кастаньеты, и выстрѣлы, и солдатскіе разговоры.

Когда же спускается вечеръ, на западѣ начинается оргія красокъ. Расплавленное золото и пурпуръ, и старинное серебро, и сирень, и блѣдно-розовый, и ярко-желтый, и темно-синій, и фіолетовый,—всѣ цвѣта горятъ, переливаются, умираютъ, затягиваются серебрянымъ пепломъ и потомъ разомъ гаснутъ за далекими горами. А надъ рѣкой встаютъ синіе-синіе туманы.

У входа въ деревню, около фонтана, стоитъ Евстаѳій.

— Здравствуй, братецъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе.

Евстаѳій знаетъ службу. Въ русско-японскую войну онъ былъ въ западно-сибирскихъ стрѣлкахъ. И хотя съ той поры прошло добрыхъ десять лѣтъ, а онъ самъ превратился въ греческаго поселенца, однако передъ офицеромъ становится на вытяжку, грудь, зятая въ архалукъ, впередъ, глаза въ точку, руки по швамъ...

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Быка привелъ на водопой, ваше благородіе.

На самомъ дѣлѣ у каменной колоды крутится маленькій, замухрышный бычокъ.

— Это откуда такое сокровище?

— Казна давалъ, нашъ царь Константинъ, чтобы, значить, поле засѣить...

Евстаѳій остановился, посмотрѣлъ на быка, сплюнулъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Только ничего этотъ бикъ не стоитъ, не то што буйволь на Кавказѣ... Эхъ, хорошо было на Кавказѣ. Все хорошо, народъ хорошій,—а здѣсь все дурной. Па бунъ, па бунъ...,—добавилъ онъ въ уваженіе къ моей французской формѣ.

— Гайда, гайда!—вдругъ заоралъ онъ неистово на быка, раздражаясь рѣчью на греко-турецко-русскомъ языкѣ съ великолѣпнымъ кавказскимъ акцентомъ.

Быкъ взглянулъ, покорно понурилъ голову и поплелся къ саклѣ. Мы съ Евстаѳіемъ позади.

— Зачѣмъ же ты пріѣхалъ сюда?

— Зачѣмъ? По глупости нашей. Думалъ, и то будить, и то будить. А тутъ ничего нѣтъ. Всѣ деньги, что привезъ, проѣли, одежда съ Кавказа уже сносилась, ничего больше нѣтъ. Скотину не имѣемъ, земля—другая, лихорадка... Нѣтъ никакой помощи.

У развалины сидѣли женщины. «Тавсакрави», монисты

изъ монетъ, платки, головные уборы, на ногахъ чусты. Дѣвчонка жуеъ кеву. Ну, совсѣмъ какъ въ Тіонетахъ.

— Зайди къ намъ, ваше благородіе,—просилъ Евстаѳій.

Мы всѣ вошли въ прикрытыя жалкой черепицей руины. Всѣ,—быкъ, женщины, Евстаѳій, ребенокъ и я. Туда же и куръ загнали. Охъ, какъ бѣдно и грязно внутри!

— Вотъ такъ и живемъ, ваше благородіе. Что завтра будетъ,—не знаемъ. Жена больная, сестра больная, дитя больное, я самъ тоже хвораю. Лихорадка. Нѣтъ никакой помощи...

Въ стѣнѣ—небольшое полукруглое отверстіе. У отверстія—столъ съ плитками шоколада, свѣчами, папиросами, инжиромъ и всякою дрянью.

— А это что такое?

— Торгуемъ маленько. Солдатамъ продаемъ. Слава Богу, небольшой заработокъ теперь есть...

— Откуда же у тебя деньги для начала нашлись?

— А очинь просто. Солдаты женѣ бѣлье даютъ мыть и платятъ, хорошо платятъ. Вотъ на эти деньги начали торговать... Хорошіе солдаты французскіе...

Еще бы не хорошіе! За все платятъ бѣшенныя деньги, никогда не позволяютъ себѣ обидѣть жителя, да еще даютъ хлѣбъ, мыло и прочее. Почему-то греческія власти выселили изъ нашей деревушки всѣхъ жителей, оставивъ только земляковъ-кавказцевъ. И послѣдніе изъ ничего дѣлаютъ деньгу, вознаграждая себя за все упущенное время, за всѣ македонскія лишения. Эфемерное счастье, построенное на зыбкомъ пескѣ нашего пребывания. Уйдемъ мы,—и заработанныя деньги быстро уйдутъ на пропитаніе, и снова потянутся голодные дни въ развалинахъ, оставленныхъ выгнанными болгарами, и изъ синихъ тумановъ къ нимъ, непривычнымъ пришельцамъ, придетъ старая гостыя,—малярія. Вырастетъ но-

вый рядъ могилокъ. Въ сладкихъ и горькихъ воспоминаніяхъ о покинутой родинѣ все ниже и ниже по лѣстницѣ человѣческаго бѣдствія спускаются переселенцы.

И всюду такъ по Македоніи. Никакой нѣтъ помощи, какъ говоритъ Евстаѳій. Дорогъ нѣтъ, школь нѣтъ, медицинской помощи нѣтъ, ничего, ничего, ничегошеньки нѣтъ...

Порой смотришь и, кажется, въ Сенегаліи и то лучше, и то больше общественной и правительственной заботы. Хотя бы правительство это воплощалось въ видѣ голага, губастаго негра...

— Грекъ,—сказалъ мнѣ мѣстный старожиль, самъ эксплуатирующій всю округу,—грекъ—такой человѣкъ: смотреть, гдѣ бы взять, а самъ никогда ничего не даетъ.

И вѣрно: кромѣ пожара, разоренія и налоговъ, грекъ ничего съ собою въ Македонію не принесъ.

И вновь проходятъ передо мной разоренныя деревни, сожженныя мѣстечки. Развалины заселены наскоро бѣженцами со всѣхъ концовъ свѣта, людьми, отданными въ полную кабалу помѣщику. Тамъ богатый турокъ самъ живетъ въ Константинополѣ, оставивъ на мѣстѣ субаши. И вся округа работаетъ на него. Все ему принадлежитъ,—остатки пожженныхъ домовъ, скотина, поля, утварь. Оборванные цыгане работаютъ въ поляхъ, сербскіе пастухи платятъ ему треть своихъ доходовъ за пастьбу, и никакихъ у него обязательствъ по отношенію ко всему этому люду нѣтъ. Кромѣ одного,—обдиранья.

Въ другомъ мѣстѣ вся округа принадлежитъ толстому греку изъ Салоникъ, заселена румынами, въ третьемъ хозяинъ—испанскій еврей, а въ рабахъ—турки, въ четвертомъ царь и богъ—греческій депутатъ, подданные же—болгары, пощаженные по случаю находженія ихъ въ депутатскомъ селѣ отъ грабежа и пожара прошлой освободительной войны...

Недалеко отъ насъ—небольшая деревня. Въ бѣломъ домѣ живетъ въ ней мой пріятель. Онъ—албанецъ изъ Эпира, выжженного греками въ позапрошлую войну, т.-е. двѣнадцать лѣтъ тому назадъ,—методы, какъ видите, все тѣ же. Его отецъ за это время успѣлъ пройти въ греческіе депутаты, да еще правительственные.

Деревню эту они купили вмѣстѣ со всей живностью, домами и двадцатью тысячами десятинъ земли за двѣсти тридцать тысячъ франковъ. Заселили ее всякими бѣженцами и умудряются съ этихъ полуголыхъ людей выжимать въ годъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Ибо берутъ съ нихъ треть всѣхъ полученныхъ продуктовъ.

— Что же они ѣдятъ?—спрашиваю я его.

— Пхе,—отвѣчаетъ онъ съ неопредѣленнымъ жестомъ.—Немного кофе, немного молока, немного кукурузнаго хлѣба, немного рису, много травы...

— Какъ травы?..

— Травы, есть такая трава,—женщины ищутъ въ полѣ. Немного ѣдятъ бѣдные люди.

— Ну, а когда продадутъ свой урожай?

— Пхе, когда деньги будутъ, покупаютъ въ Солуни мяса, много вина, много всего, потомъ ѣдятъ, пьютъ, пока ничего не останется,—дикіе люди. Глупые.

— Что же они отъ лѣни такіе бѣдные?

— Какой лѣни? Цѣлый день въ нашихъ поляхъ работаютъ съ утра до вечера. Бѣдные люди...

— Гдѣ же они вѣнчаются, молятся?—заинтересовался я религиознымъ вопросомъ.

— Пхе,—хихикнулъ мой албанецъ,—попа нѣту, прямо дѣвку въ домъ беретъ, много пьютъ, ѣдятъ,—вотъ и свадьба... Дикіе люди.

— Гмъ, не вѣрятъ, значить, въ Бога.

— Какъ не вѣрятъ,—возмутился онъ,—очень даже вѣрятъ. Только церкви нѣтъ, попа нѣтъ. Мы—мусульмане, они—христіане. Мы имъ дали пять тысячъ фран-

ковъ, чтобы церковь построить. Вонъ камень начали даже возить, когда война началась. Ну, дѣло встало, деньги разошлись тоже. Но у нихъ есть такой домъ, гдѣ они молятся... Хорошіе люди...

— Петре, Петре,—закричалъ онъ.

Пришелъ плутоватый, черноглазый, крѣпко сбитый македонецъ.

— Самый богатый на селѣ. Онъ же церковью завѣдуетъ,—пояснилъ албанецъ.—Петре, поведи насъ въ церковь.

Маленькая конура. Въ ней нѣчто въ родѣ престола. Тутъ же приборъ для варки турецкаго кофе.

— Пастухи забыли,—говорить Петре.

На столѣ—икона, на стѣнѣ—другая. Къ иконамъ воскомъ прикрѣплены монетки, на окнѣ лежатъ тоненькія желтыя свѣчки. Кто хочетъ,—зайдетъ, поставитъ свѣчку, положитъ монетку...

— Какъ же вы молитесь?

Петре мнется. За него отвѣчаетъ албанецъ:

— Бѣдные люди... Рано утромъ, въ 5 часовъ, приходятъ сюда, жгутъ свѣчи, думаютъ свои молитвы, потомъ расходятся...

Думаютъ свои молитвы...

— Какія молитвы?

— А каждый свое, что ему надо...

Вышли изъ церкви, пришли снова въ бѣлый домъ. Въ бѣломъ же домѣ—«магазинъ». Все, что есть самага плохого изъ продуктовъ мелочной лавки, продаетъ въ немъ мой албанецъ. Онъ—ихъ мэръ, ихъ хозяинъ, ихъ поставщикъ, кредиторъ, покровитель... И тѣ двѣ трети, что якобы остаются крестьянамъ, конечно, переходятъ въ его широкіе карманы посредствомъ займовъ и лавочки.

— Послѣ войны,—мечтательно говоритъ онъ,—заведемъ машины. Машинами работать будемъ.

Съли всѣ вмѣстѣ. Богачъ-албанецъ, его поваръ, Петре и я. Принесли четыре чашки горячаго кофе. Пьемъ всѣ, какъ равные.

— Пхе,—говоритъ хозяинъ,—бѣдные люди... Никакой помощи нѣтъ.

Таковъ вѣчный стонъ Македоніи,—въ странѣ, гдѣ думаютъ свои молитвы.

Страна несбывшихся надеждъ. Страна печали и смерти.

ЦЕНТРАЛНА НАУКОВА
БИБЛИОТЕКА УЛУ
Инв. № 236327

